

Чернышева Е.В.**УДК 008=512.1;008(430)"653"****К ВОПРОСУ О ТЮРКСКОМ ВОЗДЕЙСТВИИ НА КУЛЬТУРУ ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ**

Великое переселение народов III – IX столетий, приведшее к окончательной гибели Римской империи и рассматриваемое как этап зарождения новой культурно – цивилизационной парадигмы, актуализировало проблему межэтнического контакта, одновременно обусловив поливариантность ее решения. Перемена среды обитания, традиционного ландшафта, приводящая, как правило, к столкновению и противоборству этносов, могла также создать ситуацию поиска возможных вариантов сосуществования с представителями иной культуры, способствовать началу межкультурного диалога.

Переселение народов не было идентично постоянной войне между ними. В борьбе за существование и выживание многие из субъектов социокультурного взаимодействия были вынуждены не только отражать нападения врагов, но и прибегать к поиску друзей, проявляя максимум способностей к пониманию и терпимости.

Хотя терпимость, понимаемую как толерантность (от лат. *tolerantio*- терпение), принято увязывать с новоевропейскими реалиями, осознанно терпимое отношение к чужим воззрениям и укладу жизни можно найти во множестве культур и в различные исторические эпохи. Что касается эпохи великого переселения, то следует предположить: без хотя бы относительно терпимого отношения к некоторым соседним этносам было бы невозможным создание племенных союзов, способных завоевывать и удерживать общую территорию, преследуя единые политические цели.

В соответствии с одной из сложившихся в западноевропейской исторической мысли традиций [13], активизировавшиеся в III - IV ст. и ставшие новыми хозяевами Европы племена вандалов, готов, лангобардов и, тем более, гуннов представлялись жестокими дикарями, беспощадно уничтожающими следы великой культуры. Однако война с Римом вовсе не означала ненависти ко всему римскому. Практически одновременно с упадком и разложением римской государственности, обусловленным внутренними противоречиями, протекал процесс инкорпорации в социальную и политическую систему империи новых, т. н. варварских элементов. К примеру, полководец Аэций был сыном германца и римлянки; последние римские императоры, включая низложенного в 476 г. Одоакра, также не были латинского происхождения. Не римлянином, а готом Иорданом был написан труд «Гетика», являющийся важнейшим источником для изучения истории быта и нравов варварских народов и т. д.

По мнению американского исследователя О. Прицак, древние германцы – племена, с передвижения которых фактически началось великое переселение, – не только не имели национальных чувств, но и воспринимали все конфликты между народами как сугубо семейные ссоры [18; с. 175]. Национальной идентичности, – полагал исследователь, – можно научиться, только прибывая в контакте с народом, который ее уже имеет [18; с. 110]. Т. о. готам (следует полагать, что и гуннам, вандалам и лангобардам) не было знакомо чувство национального, а, следовательно, отсутствовали и шовинистические настроения.

Тем не менее, следует заметить, что у населения Европы начала I тысячелетия нашей эры толерантность, понимаемая как терпимость концептуально непримиримого человека, отсутствовала. Последнее характерно для любого архаического общества. Например: росомонку Сунильду за измену супругу король Германарих приказал разорвать на части дикими конями. Король поступал в соответствии с обычаями своего народа и, возможно, хотел таким образом внедрить у росомонов тип европейской семьи. Т. о. Германарих не обладал толерантностью, но к национальному противоборству подобные случаи отношения не имеют.

Л. Н. Гумилев связывал позитивное, т. н. «комплиментарное» отношение к иной культуре, доброжелательность и терпимость, проявляемые максимальным количеством представителей того или иного этноса, с природными факторами – т. н. пассионарностью, обуславливающей этапы этногенеза. В т. н. «акматической» фазе, – полагал ученый, – для этнического сообщества характерна любознательность, стремление усваивать и перерабатывать достижения более развитой культуры [7; с. 832]; этапу «обскурации» свойственно появление множества субпассионариев и многочисленные проявления равнодушия, эгоизма, а также нарушение общечеловечески признанных норм поведения.

В контексте указанной гипотезы особенно актуальным становится рассмотрение механизма межэтнических контактов в период раннего средневековья, когда техногенная цивилизация еще отсутствовала, но товарно-денежные отношения уже оказывали немалое воздействие на характер взаимоотношений между народами и государствами.

Цель статьи: показать роль эпохи великого переселения народов в становлении социокультурной парадигмы, соответствующей реалии формирующейся европейской культуры, определить роль тюркских народов на этапе синхронизации диалога «Восток - Запад» в период раннего средневековья, а также указать новые явления в культуре древних германцев, соотнеся их с фактором тюрко – германских контактов.

Античный мир эпохи своего заката, а затем – Тмуторакань, Боспорское царство и Волжская Булгария – находились под сильнейшим влиянием идей, рожденных эпохой эллинизма. Это идеи религиозной терпимости, единства и братства народов, провозглашенные еще философом Анаксагором (500 – 428 гг.). Согласно Зенону из Кития (336 – 264 гг. до н. э.), людей объединяет общий закон гармонии универсума, одна общественная жизнь – по велению сердца. Таким образом, могут сосуществовать две религии, возможно, – два сакральных языка [18; с. 139].

Эти идеи стали основой для формирования человечества как единого культурного сообщества.

На этапе встречи, своего рода столкновения культур Европы и Азии, совпадающие и взаимодополняющие друг друга традиции активизируются. Эллинистическим идеям была максимально созвучна идеология кочевых империй, уже на заре мировой истории объединявших Европу и Азию.

Уже в III тыс. до н. э. в Юго – Восточной и Средней Азии процветала караванная торговля. Купцы были заинтересованы в безопасности торговых путей и стабильности. Поэтому для объединения земель они могли предоставить средства завоевателям. По мнению О. Прицак, кочевые империи являлись реализацией протоурбанистических целей своего времени [18; с. 85]. Поскольку за воинами – кочевниками стояли «образованные аристократичные путешествующие торговцы, которые... владели несколькими языками, интересовались философией и религией» [18; с. 138], многим представителям новой правящей элиты были присущи как желание властвовать и обогащаться, так и политический разум и высокая культура. Таким образом, идеологии кочевых империй справедливо приписывается веротерпимость.

Если в эпоху раннего железного века роль кочевников, подчинивших себе трансевразийское пространство, играли иранцы, то начиная с гуннских завоеваний она переходит к тюркским народам. Как говорилось у Кашгари – филолога XI ст. – «нет тата без тюрка, как нет шапки без головы» [18; с. 80].

Несмотря на отсутствие непрерывности письменной традиции, у тюрков существовала определенная преемственность социального и культурного наследия. Так, гунны, пережив в I в. разрушение своего государства, трансформацию родовой державы в орду и вынужденно покинув пограничные с Китаем земли, сознательно шли к границам другой земледельческой культуры, что может быть истолковано как первый этап формирования указанной схемы отношений: «кочевники- завоеватели – оседлое земледельческое население – объединяющие их торговцы». В дальнейшем (с 550 г. по 970 г.) тюрки основали несколько империй, а в 30 гг. XIII ст. превратились в главную опору монгольской династии, вновь объединившей Азию и Европу.

Способность гуннов к моделированию отношений с иноплеменниками определил ряд обстоятельств. Это раннее знакомство с великими цивилизациями древности, сформировавшийся на протяжении веков стереотип общения с представителями заведомо иной, земледельческой культуры, а затем – воздействие прослойки образованного купечества, проникнутого идеями веротерпимости. В связи с этим следует отметить особую способность тюркских народов не просто к восприятию, но и к глубокому освоению заимствованных религиозных концепций. Как отмечает О. Прицак, тюрки создали собственные версии каждой мировой религиозной культуры на собственных языках: после 550 г. – буддизм, на протяжении VIII ст. – манихейство и несторианское христианство, в VIII и IX ст. – иудаизм, а в 840 г. – ислам [18; с. 123].

Культурные контакты с Китаем, у которого гунны охотно добывали ткани и другие предметы быта, знакомство с Тибетом, интерес к скифскому «звериному стилю» в изобразительном искусстве – все эти факты позволили исследователю сделать вывод о том, что, «тюркские племена, живущие на границе с Китаем, вбирали в себя культурные представления востока и запада и сочетали их в оригинальных формах» [10; с. 81]. Обращение с пленными у кочевников – хунну было весьма гуманным, поэтому, как отмечает Л. Н. Гумилев, китайцы не столько опасались набегов гуннов, сколько не хотели допускать постоянных переходов к ним в степь своего населения [10; с. 79]. По сведениям Н. Я. Бичурина (Иакинфа), в докладе китайского чиновника Хоу Чена говорилось, что пограничные племена, угнетаемые китайскими чиновниками, невольники, преступники и семьи политических эмигрантов только и мечтают бежать за границу, говоря, что «у гуннов весело жить» [4; с. 95]. Уже во II – I вв. до н. э. хунну доверяли жителям приграничных владений, бежавших к ним от произвола китайских чиновников, и жили с ними дружно [10; с. 78].

Когда народ хунну, преследуемый сянбийцами, оказался далеко на западе от своей прародины, пережив затем этап этнической дивергенции, приведшей к радикальной перемене в образе жизни и в культуре, гунны установили контакт с сабирами (аборигенами Западной Сибири). К 360 г. н. э. по мнению Л. Н. Гумилева, у гуннов было много друзей, говорящих на своих языках, имевших свои религии и свои нравы, но выступавших вместе с гуннами и умноживших их ряды [9; с. 27].

В соответствии с обоснованной схемой антско-гуннских взаимоотношений, предложенной М. Ю. Брайчевским и В. П. Петровым, анты и гунны уже с конца IV в. н. э. были союзниками [6; 16].

Ю. В. Павленко полагает: тот факт, что при готском нападении на антов гунны выступили на стороне последних, свидетельствует об установлении мирных антско – гуннских взаимоотношений. Дружественные отношения между обоими народами базировались на относительно мягкой форме вассально – даннической зависимости [15; с. 279 - 280].

Кочевников – гуннов и хребоборов – славян привлекали разные по ландшафту степь и лесостепь, которые перекрещивались в областях Нижнего и Среднего Подунавья.

Кроме этого, гунны были заинтересованы в заселении дружественным к ним земледельческим сообществом опустошенной ими до этого Паннонии, где формировалось ядро державы Атиллы. Приск Панийский – свидетель событий и участник посольства императора Максимиана к правителю гуннов-, рассказывая о центре державы гуннов на Дунае, приводил отдельные детали, из которых следовало, что во время путешествия он непосредственно общался со славянами.

Анализ труда Приска свидетельствует, что в гуннском обществе существовала особая прослойка знати, статус представителей которой обуславливался боевыми заслугами, родственными связями и т. д. В состав знати входили не только гунны, но и представители других варварских народов [17]. Ю. В. Павленко полагал, что среди последних могли быть и славяне; молодые славянские воины проходили здесь определенную школу жизни, тренируясь в далёких походах к Рейну, Дунаю и Тибру [15; с. 281]. У

Феофилакты Симокатты также говорится об упоминаемом выше народе: «Они (гунны) подослали племя славян, и огромное пространство римских земель было опустошено (глава VII) [19]».

Однако следует отметить, что этот автор дает гуннам негативную оценку, утверждая, что они – «племя самое вероломное и ненасытное из всех кочевников» (глава IV) [1]. Подобное отношение к пришельцам из Азии свойственно множеству европейских авторов. Так, по словам Аммиана Марцеллина, гунны отличаются столь страшным и чудовищным видом, что их можно принять за диких зверей [1; с. 236 - 243]. Иордан, ссылаясь на «древние предания», поясняет, что племя гуннов – это потомки колдуний, называемых по-готски галирунами, изгнанных королем Филимером из страны, расположенной на правом берегу Днепра, в пустыню, и нечистых духов, которые там с ними встретились [11]. В то же время уважительным отношением к королю гуннов и к народу, которым он правил, отличаются сведения посланника Приска. Как сообщал Н. Я. Бичурин, историки Сыма Цянь, Бан Гу и многие другие китайские авторы также писали о гуннах с уважением, отмечая у последних наличие традиций, присутствие людей с высоким интеллектом и большие способности к восприятию чужой культуры [5; с. 136-141].

Принципиально важно, что европейские историки (за исключением очевидца событий Приска) писали со слов информаторов, а последние, как утверждал Л. Н. Гумилев, являлись представителями народа, этногенез которого находился в фазе обскурации. Для субпассионариев же характерны эгоистичность и ненависть к своим соседям.

Поскольку гунны искали не врагов, а друзей, - полагал исследователь, - то все обиженные племена и народы вошли с ними в контакт [9; с. 30]. Достаточно полно характеризуют гуннов их действия во время анто-готского конфликта, когда король Винитарий, «желая показать свою храбрость» [20; с. 115], напал на антов.

В первой стычке он был разбит, но потом взял верх над антами и, чтобы задать им страху, велел распять на кресте их предводителя Бокса (Вох, Бооз, Боз) с сыновьями и семидесятью другими старшинами [20; с. 114 - 115].

В ответ на это гуннский царь Баламбер, призвав на помощь тех остроготов, которые остались ему верны, напал на Винитара и после нескольких неудач разбил и убил его в бою на реке Эрак (нижний Днепр).

Бесчестным и бесчеловечным считалось у гуннов поведение по отношению к элите покоренного народа, подобное действиям Винитара. Они вступили в противоборство с готами, приходя на помощь более слабому в тот момент союзнику. Это позволило уберечь восточнославянское племенное объединение от распада и уничтожения.

Что касается германцев, последние к III – IV ст. еще не имели традиций продолжительного мирного сосуществования с представителями культуры, значительно отличающейся от их собственной. Возможно, по этой причине «их держава была построена на принципе силы, без уважения к обычаям соседей и без симпатии ко всем, за исключением римлян» [9; с. 27]. Тем не менее, готы были молодым этносом, находящимся на этапе, для которого свойственно стремление энергично усваивать культурные достижения, приспособивая их к собственному пониманию, традициям и историческому опыту.

Характерно, что герои, с которыми общество начинает свою эпическую историю, зачастую принадлежат иному народу. В частности, в германском средневековом эпосе действуют и готы, и гунны, причем представители двух народов показаны как люди с совершенно одинаковой шкалой моральных ценностей; ни один из них не унижен и не подвержен национальным предрассудкам [18; 110 - 111].

Т. о. сильные, талантливые, удачливые не только осваивают достижения другой культуры, творчески их перерабатывая, но и экспонируют свои предания, историю, культуру, придавая последней особую привлекательность в глазах иных народов. Заимствование, являющееся, по определению Т. А. Тагановой, результатом удивления – «экстонации, зачастую сопровождается восхищением и вызывает симпатию» [21; с. 212]. Позитивные качества создают ареал героизма, отваги, рыцарской доблести, превращая вождей – пассионариев в героев легенд и других эпических произведений.

В контексте сказанного принципиально важно, что как семейный или, скорее, династический конфликт показано военное противоборство двух народов в «Битве готов с гуннами», составной части «Саги про Гейдрека». Гльод – сын Гейдрека и его гуннской любовницы при поддержке своего деда – Гумли отстаивает принцип первородства перед своим братом – королем Агангюром. Гуннская армия встречается с готами в Донецкой степи около Ясских гор. Агангюр побеждает, так как владеет волшебным мечом – Тюрвингом.

В этом произведении как и в «Песне про Атли» упоминаются Мугсоидг (лес, лежащий между рекой Днепр и Яскими горами, и Днепр (Danpr), возле которого находилась крепость готов Аргейм (Arheimar), соответствующая бывшей столице скифов около Каменецкого городища в понизовье Днепра [18; с. 247]). В произведениях древнегерманского эпоса упоминаются, также Гарвадские горы [18; с. 253] – вероятнее всего, речь идет о Карпатах. Как отмечает О. Прицак, географические названия историчны и могут быть отнесены к территории Украины приблизительно 150 – 450 гг. н. э. [18; с. 265].

Однако, как полагает А. Бекбалаев, германские сказания, мифы и легенды в определенной степени имеют субъективную основу. По мнению исследователя, после смерти Атиллы и распада гуннской империи вестготы, навсегда оставшиеся врагами гуннов, в VII – VIII вв. расселились западнее реки Везер, которая географически делит территорию на две приблизительно равные части среди прочих германских племен. Остготы же поселились восточнее реки Везер, а также на землях Австрии, Чехии и Польши. А. Бекбалаев сопоставляет эти факты с тем, что мифы и сказания, происходящие из местностей восточнее Везера,

повествуют гуннах только с положительной стороны. Это героические сказания «Песнь об Атти», «Песнь о Гудрун», «Песнь о Дитрихе Бернском».

Сказания и легенды из местностей Германии западнее Везера изображают гуннов и их вождей отрицательными героями. Это произведения «Песнь о смерти Эрманнариха», «Песнь о Брюнхильде» [2; с. 13].

В «Песне о Дитрихе Бернском», имеющей корни в восточно- и южнонемецкой мифологических традициях, молодой король Дитрих прибегает к помощи гуннов и их благородного короля Этцеля, поскольку столкнулся со злодейством со стороны престарелого готского монарха Херманнариха, похитившего супругу Дитриха – прекрасную Кримхильду. (Слово Атилла после II – го немецкого фонетического перебора согласных в VII – IX вв. приобрело звуковую форму Этцель: tt, tg)

Гунны радушно принимают Дитриха Бернского, и благородный Этцель соглашается помочь ему в беде, предоставив в распоряжение могущественное конное войско.

Херманнарих побежден и уничтожен, Кримхильда спасена – и все это по доброй воле могущественного и справедливого короля гуннов [2; с. 14].

Особняком стоит в древнегерманских мифах «Песнь о небелунгах», которая имеет два варианта: с положительным представлением гуннов и отрицательным. В этом произведении принцесса Кримхильда прибегает к помощи гуннского короля – благородного Этцеля, чтобы отомстить за убийство любимого супруга – франкского принца Зигфрида. Принц победил многочисленных чудовищ на пути к овладению сокровищами небелунгов, но был коварно убит братом Кримхильды Гундахаром. Этцель убивает злодея и возвращает сокровища принцессе Кримхильде [12; с. 74]. При отрицательном представлении гуннов Этцель убивает не только Гундахара, но и доверившуюся ему Кримхильду [14; с. 389 - 390].

Одна из мифологем древних германцев – появление бога Одина и других богов с востока из области Танаиса (Дона), названного Dunheior в «Битве между готами и гуннами». Для названия этой области в эпических произведениях употреблено название «Тюркланд». Полагаем, что оно было связано с новым вариантом объединяющей евразийскую степь кочевой империи-- Хазарским государством. Указанная мифологема отражала близкие связи между германцами и тюрками-хазарами; эти связи имели также и другие важные социокультурные последствия.

Обращает на себя внимание сходство системы религиозных воззрений индоевропейских народов и древних тюрков. Следует подчеркнуть, что кочевые империи как союзы образованных торговцев, контролирующих торговые пути, и воинов, объединяющих своими завоеваниями евразийское пространство, стали создаваться еще во II тыс. до н. э. На том этапе хозяевами евразийских степей были скифы и тохарцы, а торговый капитал принадлежал купцам из Ордоса. Трём сословиям социальной структуры и трехярусной структуре вселенной соответствовали три функции высших существ:

Функция	Ведическая мифология	Древнегерманская мифология	Древнетюркская мифология
1	Варуна	Тор	Од Тенгри
Сопровитель	Митра	Один	Тюрк Тенгри
2	Индра	Торр (Dorr)	Эрклиг
3	Два	Фрейр	Эри
Божественные близнецы	Ашвина	Ньйорд	Суб
Женское божество	Сарасвати	Фрейя	Умай

[18; с. 147].

Т. о. религия была тесно связана с идеологией, а последняя – с социальной структурой. О. Прицак полагает, что социальные институты, в частности, государственность не возникают типологически, а заимствуются одним народом у другого; с социальной организацией определенным образом связаны и религиозные воззрения [18; с. 149]. Представляется, что в данном случае могло иметь место сочетание типологических факторов с непосредственными контактами между этносами.

Что касается типологии, представители алтайских языковых семей, в IV в н. э. сменившие иранцев, имели пантеон, устройство которого в целом совпадало с реконструированными Дюмезилем структурами для культур ведических индусов, иранцев, германцев и древних греков. Однако когда тюркские народы сменили степь на город, они вынуждены были принять «оседлую» религию. Это можно констатировать в социуме уйгуров Китайского Туркестана, в 767 г. принявших манихейство, в державе Карханидов, государственной религией которой в 840 г. становится ислам, и на примере хазар, правительство которых в 830 г. решило сделать иудаизм государственной религией [18; с. 149].

Согласно произведениям, принадлежащим ирландскому скальду и историографу XIII ст. Снорри Стурлуссону, пришедший из Тюрккланда смертный бог Один был реформатором рунической письменности. Характерно, что руны использовались в магических и культовых целях и были связаны с религией Одина. Суть реформы письменности состояла в том, что в 800 г. в Скандинавии, как и в тюркских языках в VI – VII ст., стал использоваться способ письма, который представлял только контур слова, а не фонетически точную его фиксацию. Если тюрки стали использовать семитский алфавит, где знаки на письме имеют только согласные звуки, то в Скандинавии с 24 до 16 уменьшилось количество рун, хотя фонем в германских языках было от 30 до 40. Любопытно, что в это время в Англии и Фризии количество рун увеличилось [18; с. 152 - 153].

Следует отметить, что и в данном случае имело место совпадение конвергентных и контактных факторов взаимодействия культур двух народов. В VI – VIII ст. скандинавские племена также, как и тюрки, имели союз «воинственные морские кочевники – контролирующие европейские рынки торговцы».

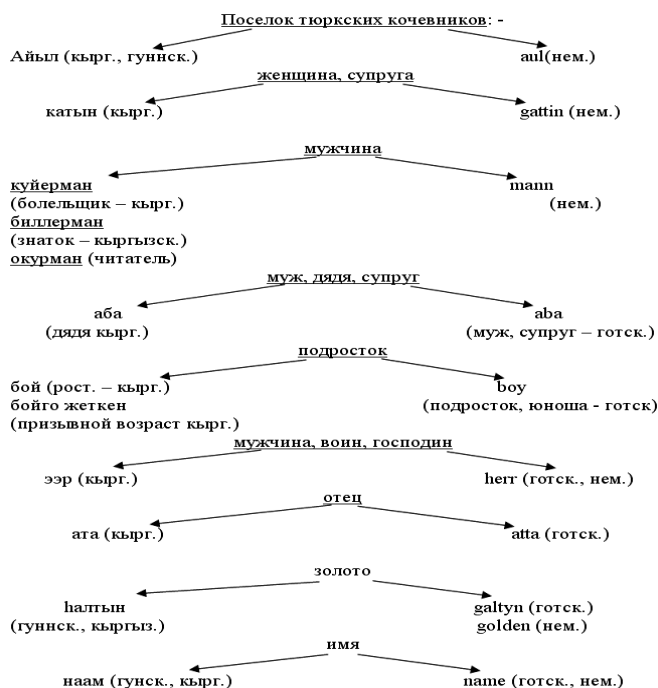
Как отмечает исследователь А. Бекбалаев, современный немецкий язык происходит от древнегерманских диалектов, язык сегодняшних кыргызов имеет прямое отношение к древнекыргызскому. Между немецким и кыргызским языками существует прямая параллель в собственно фонетическом составе:

Кыргызский язык:	Немецкий язык:
[θ]	[Ö]
[Y]	[Ū]
[VI]	[ŋ]

Если казахские коммуникативные типы предложений резко отличаются в интонационных структурах от таковых немецких, интонационные структуры немецкого и кыргызского языков полностью совпадают [22].

В кыргызском и немецком языках масса сходных или совпадающих лексем. Как утверждают исследователи, это говорит об общности социальной, хозяйственно – экономической и духовно – интеллектуальной деятельности на протяжении продолжительного времени. В трилогии А. фон Бека «Гунны» [3] насчитывается около полутысячи гуннско – кыргызских и готско – немецких языковых соответствий в лексемах, словосочетаниях и даже во фразеологизмах.

Например:

Выводы:

1. Эпоха великого переселения народов, приведя к возрождению кочевых империй, сохранила и транслировала культурно – цивилизационный опыт эллинизма, идеи объединения Европы и Азии.

2. Роль посредника между древними культурами Востока и формирующейся цивилизацией средневекового Запада сыграли гунны, сохранившие традиции культурного обмена, перенеся их на территорию Европы.

3. Воздействие гуннов, а затем и хазар ярко проявилось в тематике и сюжетах древнегерманского эпоса, унификации религиозно – мифологических представлений, а также в параллелях фонетического состава и совпадающих лексемах современных немецкого и кыргызского языков, имеющих непосредственное отношение к языкам германцев и гуннов.

Источники и литература:

1. Аммиан Марцеллин. История : [Электронный ресурс] / Аммиан Марцеллин, Ю. Кулаковский, А. Сони; [пер. с лат.]. – К. : Тип. С. В. Кульженко. 1906. – Вып. 1. – 324 с. – Режим доступа : <http://www.law.library.ru/i3danie htn/>
2. Бекбалаев А. А. Атилла – предок кыргызов : науч.-попул. истор. очерк : [Электронный ресурс] / А. А. Бекбалаев. – Б. : КРСУ, 2011. – 116 с. – Режим доступа : <http://www.akipress.org/kg/history/mevos>
3. Бекк А. фон. Гунны : [Электронный ресурс] / А. фон Бекк. – 2-е изд. – Б., 2009. – Режим доступа : http://www.lib.hrsu.edu.kg/uploads/files/updates/2010-4-01_upd.rtf
4. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин; ред. текста, вступ. ст. с V – LXXXVI, коммент.: А. Н. Бернштама, Н. В. Кюнера. – М., Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – Т. 1. – 832 с.

5. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин. – М., Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – Т. 2. – 335 с.
6. Брайчевский М. Ю. Походження Русі / М. Ю. Брайчевський. – К. : Наукова думка, 1968. – 224 с.
7. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилев. – М. : Аст, 2005. – 839 с.
8. Гумилев Л. Н. Хунны в Азии и в Европе / А. Н. Гумилев // Вопросы истории. – 1989. – № 6. – С. 64-78.
9. Гумилев Л. Н. Хунны в Азии и в Европе / Л. Н. Гумилев // Вопросы истории. – 1989. – № 7. – С. 21-38.
10. Гумилев Л. Н. Хунну. Степная трилогия / Л. Н. Гумилев. – СПб.: Тайм-АУТ-Компасс, 1993. – 224 с.
11. Иордан. О происхождении и деяниях гетов : [Электронный ресурс] / Иордан. – Режим доступа : <http://www.alanica.ru/library/oridan.htm>
12. История немецкой литературы : в 3-х т. / общ. ред. и предисл. А. Дмитриева; [пер. с нем.]. – М. : Радуга, 1985. – 350 с.
13. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. ле Гофф; общ. ред. Ю. И. Бессмертного; послесл. А. Я. Гуревича. – М. : Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
14. Мифологический словарь / А. А. Аншба и др.; гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 672 с.
15. Павленко Ю. В. Передісторія давніх русів у світовому контексті / Ю. В. Павленко. – К. : Фенікс, 1994. – 400 с. : іл.
16. Петров В. П. Етногенез слов'ян / В. П. Петров. – К. : Наукова думка, 1972. – 215 с.
17. Приск Панийский. Готская история : [Электронный ресурс] / Приск Панийский. – пер. 1948 г. – Режим доступа : http://www.vostitut.info/text/rus/Prisc/frame_text.htm.
18. Прицак О. Походження Русі : т. 1 / О. Прицак. – К. : Обереги, 1997. – 1074 с.
19. Свод древнейших письменных известий о славянах : т. II (VI – IX вв.) : [Электронный ресурс]. – М. : Вост. лит-ра, 1995. – Режим доступа : <http://www.kodges.ru/49393-svod-drevneishiy-isvectij-o-siavyanah/html>.
20. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 15 кн. / С. М. Соловьев; отв. ред. Л. В. Черепнин. – М. : Соцгиз, 1959. – Кн. 1-2. – 811 с.
21. Таганова Т. А. Лексические заимствования как результат культурной коммуникации / Т. А. Таганова // Мир культуры – культура мира : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 75 -летию ун-та. – М. : Изд-кий дом МГУКИ, 2005. – С. 43-46.
22. Тулеева Ч. С. Типологические черты фонетико-фонологических систем немецкого и кыргызского языков : автореф. докт. дисс. : спец. 10.02.20 – «Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание» : [Электронный ресурс] / Ч. С. Тулеева. – Режим доступа : <http://rudocs.exdat.com/docs/index-36819.html>.